

Действующие лица

Император Девяти домов

«А. А.», его страж

Августин из Первого дома

Альфред Квинк, его рыцарь

Первый святой на службе Царя Неумирающего

Мерсиморн из Первого дома

Кристабель Окт, ее рыцарь

Вторая святая на службе Царя Неумирающего

Ортус из Первого дома

Нирра Две, его рыцарь

Третий святой на службе Царя Неумирающего

Кассиопея из Первого дома

Найджелла Шодаш, ее рыцарь

Четвертая святая на службе Царя Неумирающего

Кир из Первого дома

Валанси Тринит, его рыцарь

Пятый святой на службе Царя Неумирающего

Улисс из Первого дома

Титания Тетра, его рыцарь

— Харроу из Десятого дома —

Шестой святой на службе Царя Неумирающего
Цитера из Первого дома
Лавдей Гептан, ее рыцарь

Седьмая святая на службе Царя Неумирающего
Анастасия из Первого дома
Самаэль Новенари, ее рыцарь
Ианта из Первого дома
Набериус Терн, ее рыцарь

Восьмая святая на службе Царя Неумирающего
Харрохак из Первого дома
xxxxxxxx

Девятая святая на службе Царя Неумирающего

Один — Императору, с честью несущему фатум
великий.

Еще один — Ликторам, что явились по зову владыки.

Один — Святым, за давно предреченный удел.

Один — Десницам, за холод клинков, что в руках их
запел.

Два — за железную волю и стойкий отказ от утех.

Три — за сияющий блеск самоцветов и радостный
смех.

Четыре — за вечную верность движенью вперед.

И пять — за старых традиций увесистый свод.

Шесть — за горькую правду, дороже, чем сладкая
ложь.

И семь — за миг красоты, что растает, лишь
глазом моргнешь.

Восемь — за радость спасенья, какой бы его
ни купили ценой,

А девять — за сонмы потерь и Гробницы суровый
покой¹.

¹ Перевод Юлии Назаровой.

Пролог

Ночь накануне убийства императора

Твоя комната давно погрузилась в почти полную тьму. Ничто не отвлекало от гулкого бум-бум-бум, с которым тушки одна за другой шлепались о корпус, уже покрытый сплошной вязкой массой. Ничего не было видно, потому что ставни были опущены. Но ты чувствовала чудовищную вибрацию, слышала скрежет хитина о металл, жуткие удары пористых когтей по стали.

Было очень холодно. Тонкий слой изморози уже покрыл твои щеки, волосы и ресницы. В удушающей темноте твоё дыхание походило на облачка влажного серого пара. Иногда ты тихонько вскрикивала, но это тебя больше не пугало. Ты знала реакции своего организма на сближение, крик был самой безобидной из них.

Из коммуникатора донесся размеренный голос бога:

— Десять минут до прорыва. Кондиционеры проработают еще полчаса, после этого начнется пекло. Двери останутся опущены до момента нормализации давления. Всем держать темп. Харроу, ты остаешься в резерве до самого конца.

Ты поднялась на ноги, тиская свои полупрозрачные юбки в обеих руках. Кое-как добралась до кнопки коммуникатора. Пытаясь придумать что-нибудь убийственно остроумное, проскрипела:

— Я могу сама о себе позаботиться!

— Харрохак, ты понадобишься нам в Реке. А там твоя некромантия не работает.

— Я ликтор, мой господин, — услышала ты свой собственный голос. — Я одна из твоих святых. Я твои персты и твои жесты. Если тебе нужна рука, которая спрячется за дверью — даже сейчас, — выходит, я неверно тебя поняла.

Ты услышала, как он вздохнул в своем далеком святилище в Митреуме. Ты представила, как он сидит в потертом заплатанном кресле совсем один, потирая правый висок большим пальцем, как он всегда делал. После короткой паузы он сказал:

— Харроу, пожалуйста, не торопись умирать.

— Не стоит недооценивать меня, учитель, — сказала ты, — я всегда выживаю.

Ты прошла по концентрическим кругам молотых тазовых костей, которые выложила на полу, по тонкому слою бедренных костей, встала в центре и начала дышать. Глубокий вдох носом, выдох через рот, как тебя учили. Изморозь уже обратилась влажным туманом на лице и шее, под плащом становилось жарко. Ты села, скрестив ноги, и беспомощно положила руки на колени. Эфес рапиры ткнулся в бедро, как животное в поисках ласки, и во внезапном порыве гнева тебе захотелось отцепить чертову штуку и зашвырнуть как можно дальше. Жалко только, пролетела бы она совсем недалеко. Корпус вздрагивал — еще несколько сотен Вестников уселись на его поверхность. Ты представила, как они ползут друг по другу. В тени астероидов они кажутся синими, в свете ближайшей звезды — желтыми.

Двери твоих покоев открылись с натужным выдохом газовых рычагов. Но незваная гостя не заметила ни зубов, которые ты вставила в дверную раму, ни регенерирующей кости, замазанной в порог. Она переступила этот порог, пританцовывая, высоко приподняв свои полупрозрачные юбки. В темноте ее рапира казалась черной, а кости правой руки

светились маслянистым золотым блеском. Ты закрыла глаза, чтобы ее не видеть.

— Я могу защитить тебя, если ты попросишь, — сказала Ианта из Первого дома.

Холодная струйка пота побежала по твоим ребрам.

— Пусть лучше у меня все сухожилия вырвут из тела, одно за другим, и накрошат их на мои же переломанные кости. Пусть лучше меня живьем освежают и натрут солью, пусть мой собственный желудочный сок зальют мне в глаза.

— Ну, то есть ты имеешь в виду «может быть», — сказала Ианта. — Помоги мне. Не стесняйся.

— Не притворяйся, что ты здесь ради чего-то, кроме присмотра за инвестициями.

— Я пришла тебя предостеречь.

— Ты пришла предостеречь меня? — Твой голос показался ровным и безжизненным даже тебе самой: — Сейчас?

Девушка-диктор приблизилась. Ты не открыла глаз. Странно было слышать, как под ее ногами хрустят тщательно выложенные кости, как она встает на колени прямо на мрачный ковер из костяного порошка, не меняясь в лице. Ты не чувствовала танергию Ианты, но темнота позволяла тебе настроиться на ее страх. Ты ощущала, как дыбом встают волоски на ее предплечьях, как бьется ее влажное человеческое сердце, как сближаются ее лопатки, когда она расправляет плечи. Ты чувствовала вонь пота и духов: мускус, роза, ветивер.

— Нонагесимус, никто не придет спасти тебя. Ни бог, ни Августин, никто. — Из ее голоса исчезла насмешка, но появилось что-то другое. Волнение, кажется, или тревога: — Тебя убьют в первые полчаса. Ты легкая жертва. Если в этих письмах нет чего-то, о чем я не знаю, у тебя закончились твои приемчики.

— Меня раньше никогда не убивали, и я пока не намереваюсь получить такой опыт.

— Для тебя все кончено, Нонагесимус. Конец игры.

Ты в шоке открыла глаза, когда девушка взяла твой подборок в руки — пальцы ее казались горячими по сравнению с холодом позолоты на запястье — и вдавила большой палец тебе в челюсть. На мгновение тебе показалось, что у тебя галлюцинация, но это ощущение сразу спугнула близость Ианты Тридентариус, стоящей перед тобой на коленях, в позе просителя. Ее светлые волосы спадали на лицо вуалью, а наглые глаза смотрели полумоляще, полупрезрительно. Глаза были синие, со светло-карими вспышками. Как агат.

Глядя в глаза рыцаря, которого она убила, ты поняла — не впервые и не по своей воле, — что Ианта Тридентариус красива.

— Просто передумай, — выдохнула она. — Харри, тебе больше ничего не надо делать. Я знаю, что случилось, и я знаю, как это исправить. Просто попроси меня. Попроси. Это так просто. Смерть для слабаков. Ты и я в полной силе... мы разорвем Зверя Воскрешения и уйдем невредимыми. Мы можем спасти галактику. Спасти императора. Пусть дома говорят об Ианте и Харрохак, пусть оплакивают их. Прошлое мертво, они обе мертвы, но мы-то с тобой живы.

— А что они такое? Еще один труп, который мы за собой тащим?

Потрескавшиеся губы Ианты были алы. Лицо ее выражало мольбу — и ничего больше. Значит, то было волнение, а не тревога. Ты поняла, что это самый лучший момент.

— Иди в задницу, — сказала ты.

Вестники продолжали биться о корпус, как дождевые капли. Лицо Ианты снова обратилось ледяной насмешливой маской, она отпустила твое лицо, убрала нервные пальцы и спрятала жуткие золотые кости.

— Не думала, что сейчас время для непристойностей, но поддержу. Придуши меня, детка.

— Отвали.

— Ты почему-то считаешь настойчивость добродетелью, — заметила она ни с того ни с сего. — Мне кажется, тебе лучше было умереть в доме Ханаанском.

— А тебе надо было убить сестру. Эти глаза не подходят к твоему лицу.

Из коммуникатора послышался голос императора, такой же спокойный, как и прежде:

— Четыре минуты до прорыва. — И дальше тоном учителя, говорящего с нерадивыми детьми: — Девочки, все на своих местах?

Ианта злобно отвернулась. Встала и провела человеческими пальцами по стене каюты — по холодной арке филигранной работы, по полированным металлическим панелям и костяным инкрустациям.

— Что ж, я попыталась, и теперь никто меня не осудит, — с этими словами она нырнула в арку. Ты услышала, как захлопнулась дверь, и осталась совсем одна.

Становилось все жарче. Станция, должно быть, уже совсем сварилась под копошащимся щитом надкрылий, жвал и антенн, мертвых предвестников голодного звездного мстителя. Коммуникатор трещал помехами, других звуков не было. В зачарованных коридорах Митреума стояла тишина, и жаркая влажная тишина поселилась и в твоей душе. Крича, ты кричала без звука, мышцы горла сокращались немо.

Ты вспомнила о залапанном конверте, адресованном тебе. «Открыть в случае твоей неминуемой смерти».

— Они идут, — сказал император. — Простите меня. Обрушьте ад им на головы, дети.

Где-то далеко послышался треск и скрежет хитина и металла. Колени у тебя подогнулись, и ты рухнула бы на пол, если бы не сидела. Ладонями ты закрыла глаза и заставила себя замереть. Темнота стала еще чернее и холоднее, первый щит вечной кости окружил тебя — глупый поступок, бессмысленный, щит рассыплется в момент погружения. За ним появился второй, третий, и наконец ты оказалась в без-